

ДОКТРИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Одно убийство.
Одна жизнь. Одна правда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валис Ли

Валис Ли

ДОКТРИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

«Автор»

2026

Ли В.

ДОКТРИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ / В. Ли — «Автор», 2026

Единственное убийство — право на освобождение, которое тебе позволено, должно быть оправдано. Но что, если оправдание — ложь? Кaleb — Верховный Исповедник. Он благословляет тех, кто совершает Избавление, и провожает тех, кто уходит. Двадцать лет он верит, что система справедлива. Пока однажды к нему не приходит Елена. Она хочет воспользоваться правом на освобождение ради собственного сына. Даниила не чувствует боли, и Церковь называет это благословением. Его душа, по словам матери, заперта в теле-тюрьме. Закон на её стороне. Мальчик не сопротивляется. Кaleb отказывает. Он знает тайну: Даниила можно вылечить. Но если правда всплывёт, рухнет Доктрина Церкви. Миллионы людей потеряют смысл своих оправданных убийств. Церковь начинает охоту. Калебу предлагают сделку: убить Елену или исчезнуть навсегда. Одно убийство. Один выбор. Одна цена.

© Ли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Благословение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Валис Ли

ДОКТРИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Часть первая. Благословение

Глава первая. Чужая смерть

«Блаженны страждущие, ибо через них получают избавление другие. И если брат твой несёт бремя, не оставь его одного под ним, но сними бремя навеки».

— Евангелие Освобождения, 3:17

Колокола звонили не для мёртвых. Калёб понял это много лет назад. Сначала ему казалось, что колокольный звон сопровождает человека в последний путь. Что звук должен быть услышан тем, кто уходит, — как последнее напоминание о том, что смерть не является концом, а лишь дверью, которую кто-то открывает, с другой стороны. Позже он понял: мёртвым колокола не нужны. Колокола звонили для тех, кто оставался. Они напоминали живым, что смерть может быть правильной.

Первый удар колокола прошёл по Часовне Последнего Пути тяжёлой металлической волной. Калёб стоял в центре зала. На нём была чёрная одежда Исповедника, длинная и почти лишённая украшений, на груди серебряный знак Церкви Освободителей: раскрытая ладонь, внутри которой лежала маленькая потухшая свеча. Потухшая свеча была символом смерти., раскрытая ладонь — милосердия. Вместе они означали то, чему Калёб учил людей уже много лет: **милосердие должно иметь мужество погасить свет.**

Сегодня он сам не был уверен, что верит в это, но это не имело значения. Исповедник не должен был верить за всех, он должен лишь помнить за всех.

Перед ним сидела Агнесса Рой, пожилая женщина семидесяти девяти лет, восемьдесят три килограмма. Диагноз: остео дегенеративный синдром четвёртой степени, девятнадцать переломов за последние шесть лет. Постоянная боль. Неизлечимая. Официально. Её дело занимало сорок две страницы. Калёб прочитал каждую. Не потому, что так требовал протокол, а потому, что всегда читал. Это было той одной из немногих вещей, которые он ещё делал сам.

В Церкви говорили, что страдание необходимо измерять, иначе человеческая жалость исказит волю Божию. Калёб когда-то считал это разумным.

После Великого Очищения люди действительно слишком часто путали жалость с правдой. Один человек говорил, что страдает, другой верил ему, третий убивал из любви, четвёртый называл это преступлением, пятый называл преступлением отказ убить. И тогда, основатели Доктрины пришли к единому решению и человечество поняло главное: **нельзя слепо доверять человеческому сердцу.**

Сердце слишком легко лжёт, поэтому Церковь создала цифры. Отныне измеряли все: боль, кортизол, адреналин, активность мозга, глубину сна, психологическое состояние. Слова проверяли, воспоминания сверяли, даже молитвы проверялись с точностью до минуты и каждой поставленной паузы. У каждого человека был имплант, который фиксировал эмоциональные всплески.

Логика системы предельно проста: убийца не должен был испытывать гнев. жертва не должна была быть вынуждена. В свою очередь епископы не должны были получать выгоду. На бумаге система была почти прекрасной. Калёб много лет думал, что именно это и есть самое

страшное - не то, что сама система была чудовищной. а то, что она была разумной. Разумное зло было гораздо опаснее безумного.

Агнесса поправила серое покрывало на коленях, руки дрожали.

— Простите, я всё время двигаюсь, — сказала она.

Калёб посмотрел на неё и спокойно ответил:

— Вы имеете право двигаться.

— Не по протоколу, — тихо возразила она.

— Протокол не требует от вас быть неподвижной, — заметил он.

Она улыбнулась:

— А вы добрый.

Калёб промолчал. Ему часто говорили это, но он никогда не знал, что отвечать на подобное, ведь в Церкви доброта считалась инструментом — как нож, как лекарство, как закон. Если она не приводила к избавлению, её называли слабостью.

Он сел напротив. Диакон, сопровождавший Агнессу, отошёл к столу в другом конце комнаты.

— Агнесса Рой.

— Да, — отозвалась она.

— Вы подтверждаете добровольное согласие на Великое Избавление?

— Подтверждаю, — ответила она без колебаний.

— Понимаете, что после начала ритуала вмешательство третьих лиц запрещено?

— Да, — кивнула Агнесса.

— И что ваше согласие можно отозвать до первого действия Исполнителя?

Она посмотрела на него с удивлением:

— Я могу передумать?

— Да, можете, это ваше право, — сказал Калёб.

— И вы остановите его? — спросила она.

— Да, ведь это ваша жизнь и ваше право, — ответил он.

Женщина задумалась, потом тихо проговорила:

— Значит, хоть кто-то здесь ещё верит в свободу.

— Церковь верит в свободу, — возразил он, но она лишь качнула головой:

— Нет. Церковь верит только в правильный выбор.

Калёб почувствовал, как пальцы слегка напряглись, имплант на запястье мигнул — система зафиксировала пульс. Он заставил себя расслабиться и ответил:

— Это почти одно и то же.

— Ах если бы, — мягко сказала Агнесса. — Свобода — это когда я могу выбирать, а выбор, в итоге, может оказаться неправильным.

Он не нашёлся, что сказать.

Калёб повернулся к Агнессе:

— Почему вы решили пройти Избавление?

— Потому что устала, потому что хочу уйти, — ответила она, глядя на свои руки.

— От боли? — спросил он.

— От того, что мои дети вынуждены смотреть на мою боль, — тихо проговорила она. —

Дочь приходит каждый день. Улыбается, всегда улыбается, даже когда думает, что я не вижу. Потому что боится, что, если заплачет, то я буду страдать ещё больше.

Она усмехнулась:

— Дети иногда поступают так глупо.

Калёб едва заметно улыбнулся:

— Иногда.

— А иногда бывают мудрее нас, — ответила она, подняв на него глаза. — Вы знаете, что самое тяжёлое в боли?

— Что?

— Когда она становится не твоей. Сначала болело только тело, а потом начали болеть люди рядом со мной. И тогда я поняла, что имею право уйти.

Она помолчала, потом добавила:

— Вы сами знаете, что у меня есть право на освобождение, как у всех. Но я не хочу его использовать против кого-то. Мне не нужно для кого-то, а сделать это самостоятельно я тоже не в праве. И детей я не хочу впутывать в это, они должны жить своей жизнью, а не тратить свой единственный шанс на меня. Пусть это сделает Церковь.

Она посмотрела на него:

— Поэтому я здесь. Я хочу уйти правильно.

Калёб перевёл взгляд на документы. Согласно всем критериям, Агнесса была законной Страждущей, её решение — рациональным, и сегодня он должен был благословить убийство. И всё же ему хотелось спросить: а что, если ваши дети готовы «страдать» вместе с вами? Но он не спросил, потому что знал ответ. Доктрина не позволяла человеку превращать свою семью в заложников собственной боли — это было одним из первых правил.

Ударил колокол, двери открылись, и вошёл Исполнитель. Калёб знал его имя — Томас Вейл, тридцать два года. Три года назад Томас потерял жену, она была Страждущей, диагноз — рак. Он сам совершил Великое Избавление, а после получил звание Исполнителя Милосердия. Церковь любила такие истории: они доказывали, что Доктрина способна превратить личную трагедию в святой долг.

Томас остановился перед Агнессой, склонил голову:

— Я пришёл без ненависти.

Агнесса посмотрела на него, коротко ответила:

— Я знаю.

— Я пришёл без выгоды.

— Знаю.

— Я пришёл с любовью.

Старуха улыбнулась:

— Тогда давай не будем заставлять любовь ждать.

Томас опустил голову. Калёб поднял руку:

— Перед началом ты должен ответить на три вопроса.

Исполнитель поднял глаза:

— Да, отец.

— Ты испытываешь гнев?

— Нет.

Имплант подтвердил, на экране считывателя вспыхнул зелёный знак.

— Ты испытываешь желание получить выгоду?

— Нет.

Снова зелёный.

— Ты делаешь это ради освобождения Агнессы?

— Да.

Имплант снова подтвердил, и Калёб кивнул:

— Тогда пусть твои руки и сердце будут чисты от ненависти и греха.

Томас протянул ладони. Диакон окропил их стерильным раствором. В воздухе запахло спиртом, потом ладаном, потом чем-то металлическим. Кровью, подумал Калёб. Хотя крови ещё не было. Он всегда чувствовал её раньше, словно человеческое тело предупреждало заранее.

Агнесса смотрела на него:

— Отче.

— Да?

— Можно вас попросить?

— Конечно.

Она замолчала, потом тихо сказала:

— Когда всё закончится... не говорите моим детям, что я не боялась.

Калёб замер:

— Почему?

— Потому что я очень боюсь. Пусть знают правду.

Калёб кивнул:

— Я скажу.

Томас поднял нож — короткий, стерильный, серебристый. На рукояти была выгравирована молитва: «Освободи и будь прощён». Калёб слышал её сотни раз, но никогда не решался произносить вслух. Сегодня тоже.

— Агнесса Рой, — сказал он, — готовы ли вы принять путь?

Она посмотрела на него:

— Нет.

Томас замер, а Калёб почувствовал, как внутри всё остановилось.

— Вы отказываетесь? — спросил он.

— Нет.

— Тогда что означает ваш ответ?

Агнесса улыбнулась:

— Я не готова.

Она закрыла глаза:

— Но я всё равно пойду.

Калёб медленно кивнул:

— Тогда идите не потому, что не боитесь. — Он сделал паузу. — Идите, потому что вы выбрали свободу.

Томас совершил ритуал. Калёб не смотрел на нож — он смотрел на лицо Агнессы. На последнем вдохе она была испуганной, на последнем выдохе — спокойной. А потом её не стало.

Колокола ударили один раз, потом второй, потом третий. Толпа за дверями ответила молитвой. Калёб продолжал держать ладонь на плече женщины — тело было ещё тёплым. Всегда тёплым. Это было почти неприлично: смерть должна была быть холодной, но она никогда не приходила холодной. Сначала тёплой, потом тяжёлой, потом пустой.

Калёб встал:

— Путь завершён.

Томас опустил голову:

— Спасибо.

Калёб посмотрел на него:

— За что?

Исполнитель не ответил. Возможно, и сам не знал, а может просто не решался сказать. Диакон вышел.

/-/

После ритуала Калёб всегда мыл руки — трижды. Первый раз водой, второй антисептиком, третий молитвой. Так было принято. Он стоял в маленькой комнате за часовней и смотрел, как красноватые следы исчезают с его пальцев. Они не были его кровью, но это никогда не имело значения. Серая вода уходила в слив.

Он слышал стук.

— Войдите, — сказал он.

Диакон снова заглянул внутрь:

— Отец Калёб.

— Да?

— епископ Аврелий ждёт вас.

Калёб закрыл кран:

— Сейчас?

— Он желает видеть вас немедленно, — ответил диакон.

— Сейчас буду.

Он вытер руки и на выходе остановился. В зеркале отражалось его лицо — сорок два года, тёмные волосы, несколько седых прядей у висков, лицо человека, который слишком часто видел смерть. Калёб посмотрел себе в глаза, и на мгновение ему показалось, что там действительно ничего нет: ни веры, ни сомнения, только привычка. Он отвернулся.

епископ Аврелий принимал исповеди без священного экрана — это право имели только двенадцать старейшин Церкви. Аврелий сидел у огромного окна, внизу лежал город. Чёрный, серый, слишком чистый. После Великого Очищения старые кварталы почти исчезли, новые здания строили из материалов, которые не горели и не ржавели. Деревьев почти не было — только искусственные сады. Живые растения считались ресурсом, а ресурсы принадлежали Церкви, поэтому даже трава нуждалась в разрешении.

— Вы сегодня принимали участие в Избавлении? — резко начал Аврелий.

Калёб остановился у двери, ответил коротко:

— Да.

— Совершали его?

— Нет.

— Значит, благословляли?

— Да.

Аврелий улыбнулся:

— Вы всегда отвечаете одинаково.

— Потому что вопросы одинаковые, — с легким раздражением ответил Калёб.

Епископ указал на кресло, и Калёб сел. Аврелий некоторое время рассматривал его, потом спросил более неформально:

— Ты устал.

— Да.

— От смерти?

— Нет, от людей.

— Это хуже, — заметил Аврелий, Калёб ничего не ответил.

Епископ встал, подошёл к шкафу, налил себе немного тёмного напитка и, обернувшись к Калёбу, заговорил:

— Знаешь, почему я люблю и верю в нашу Церковь?

— Почему? — переспросил Калёб.

— Потому что она честнее и чище старой религии, — ответил Аврелий и сделал глоток.

Калёб поднял взгляд:

— В каком смысле?

— Старая религия говорила человеку: страдай сейчас, награда будет потом. Мы же говорим ему, что страдание существует, что мы его видим, мы его измеряем, и, если оно действительно бессмысленно и невыносимо — мы можем его прекратить.

— Это звучит разумно, — глубоко вздохнув, сказал Калёб.

— Потому что это разумно, — указал епископ, но в голосе его не было торжества, только сухая констатация.

Калёб помолчал, разглядывая узор на полу:

— А что, если человек хочет жить?

Аврелий пожал плечами:

— Тогда он живёт.

— Даже если страдает? — спросил Калёб, поднимая глаза.

— Конечно, — спокойно ответил тот.

— А если его страдание мучает семью?

— Тогда семья должна принять его выбор.

— А если он просит смерти?

— Тогда мы проверяем его просьбу.

— Но что, если он передумал в последнюю секунду?

— Ты сегодня что, впервые увидел смерть? — вместо ответа спросил Аврелий.

— Нет.

— Тогда к чему эти вопросы?

Калёб промолчал, и Аврелий сделал шаг вперёд, сократив расстояние:

— Ты спрашиваешь, потому что слова женщины посеяли сомнения в твоём разуме.

Калёб поднял глаза:

— Что?

— Она сказала, что боится.

Калёб почувствовал холод, а Аврелий едва заметно улыбнулся:

— Я знаю.

— Но... — начал Калёб.

Епископ бросил взгляд на дверь:

— Ты думаешь, Церковь слепо доверяет людям?

— Я думал, Церковь доверяет мне, — тихо ответил Калёб.

— Церковь доверяет Богу.

— А мне?

— Тебе тоже, но чуть меньше.

Калёб усмехнулся:

— Спасибо за честность.

— Всегда пожалуйста, — сухо ответил епископ.

Аврелий подошёл к столу, поставил бокал и негромко позвал:

— Калёб.

Тот поднял глаза:

— Да?

— Сколько тебе было, когда обнаружили болезнь?

Калёб напрягся, пальцы на мгновение застыли, но он взял себя в руки:

— Вы же и так знаете.

епископ покачал головой:

— Я хочу услышать от тебя.

Калёб выдохнул, и голос его прозвучал почти безразлично:

— Двадцать два.

— И что тогда сказал врач? — спросил Аврелий, разглядывая свои руки.

— Что я стану Страждущим.

— Через сколько?

— Три года.

Аврелий выдержал паузу:

— А стал?

— Нет.

Епископ молчал, глядя на него в упор, и Калёб первым не выдержал:

— Почему вы спрашиваете?

Аврелий улыбнулся:

— Ты понимаешь, что человек может провести всю жизнь, убегая от собственной природы?

— Возможно, — ответил Калёб тихо.

— Но природа всегда догоняет, — обернулся к нему епископ.

— А что, если это не природа? — насторожился Калёб.

— Что? — переспросил Аврелий.

— Болезнь.

Епископ перестал улыбаться, и голос его стал колючим:

— Ты о чём?

Калёб медленно, будто с опаской, произнёс:

— Иногда болезнь — не приговор.

Повисла длинная пауза. Калёб понял, что сказал слишком много, но Аврелий уже услышал и смотрел на него так, что под этим взглядом хотелось отвести глаза.

— Ты столько лет служишь Церкви, — заговорил Аврелий, — и до сих пор не усвоил простую вещь: чудес не бывает просто так. Всё, что происходит, — или порядок, или хаос. Порядок мы поддерживаем, хаос устраним. Если каждый больной будет верить, что его может спасти чудо, он перестанет доверять. А когда люди перестают доверять Церкви, они начинают искать другие ответы. А другие ответы, Калёб, всегда ведут к хаосу.

— Значит, по-вашему, лучше позволить человеку умереть, чем дать ему надежду на исцеление? — спросил Калёб, и голос его дрогнул.

— Лучше дать ему честную смерть, чем ложную надежду, — жёстко ответил Аврелий. Он подошёл ближе, опёрся ладонями о столешницу и наклонился вперёд: — Ты думаешь, я не понимаю, что такое боль? Я видел тысячи людей, которые молили о чуде. Никто из них так ничего и не дождался. Единственное, что мы можем дать, — это освобождение. Не иллюзию спасения, а реальное избавление.

Калёб медленно поднялся из кресла и, глядя прямо перед собой, произнёс:

— Значит, Бог не должен исцелять?

Аврелий прищурился:

— Не должен? — Он сделал шаг, и голос его стал тише, но от этого ещё острее: — Ты задаёшь опасные вопросы, Калёб.

— Я исповедую людей, — ответил тот.

— Именно поэтому, — отрезал Аврелий.

Калёб развернулся и направился к двери:

— Мне больше нечего сказать.

— Я ещё не закончил, — остановил его епископ.

Калёб замер у порога, и Аврелий подошёл почти вплотную:

— Ты сорок два года прожил.

— Да, — не оборачиваясь, ответил Калёб.

— Почти двадцать лет служишь. И ты ни разу не совершил Великого Избавления.

Калёб молчал, сжимая ручку двери.

— Почему? — спросил Аврелий.

— Потому что я не хочу, — тихо сказал Калёб.

— Неправда, — возразил епископ.

Калёб резко обернулся:

— Ты боишься, — спокойно проговорил Аврелий.

— Тогда почему... — начал было Калёб.

— Потому что ты боишься узнать, что способен это сделать, — закончил за него епископ. Калев почувствовал раздражение — имплант на запястье снова мигнул, и Аврелий, заметив это, усмехнулся:

— Вот.

— Что? — спросил Калев, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Твой страх, — ответил епископ.

— Это физиологическая реакция, — возразил Калев, но Аврелий покачал головой:

— Именно.

Он вновь подошёл к окну, остановился, глядя на город, и спросил, не оборачиваясь:

— Знаешь, кто такой настоящий Святой?

— Человек, который сохраняет веру, — ответил Калев после короткой паузы.

— Нет, — сказал Аврелий, поворачиваясь к нему. — Настоящий Святой — тот, кто делает то, что остальные не способны сделать. Ты благословляешь освобождения уже двадцать лет. Люди смотрят на тебя и видят человека, который стоит рядом со смертью и не боится.

Калев тихо ответил:

— Я боюсь.

— Но они этого не знают, — заметил епископ.

— А вы? — спросил Калев.

— Я знаю, — сказал Аврелий и улыбнулся: — Поэтому ты и нужен Церкви.

Калев промолчал, и епископ продолжил:

— Церкви нужен новый символ.

— Но я не хочу быть чьим-то символом, — ответил Калев.

— Никто не хочет, — пожал плечами Аврелий.

— Тогда почему именно я? — спросил Калев.

— Потому что ты Безупречный, — сказал епископ.

Калев замер. Слово прозвучало почти как оскорбление. Безупречными называли тех, кто прожил жизнь, не воспользовавшись шансом на освобождение и не совершив Великого Избавления. В обществе их считали святыми, но Калев никогда не чувствовал себя святым. Он чувствовал себя трусом.

Аврелий продолжил:

— Люди любят противоречия. Исповедник, который никогда не убивал.

Калев посмотрел на него:

— И что?

— А теперь представь, что однажды он решается, — сказал Аврелий, и в голосе его послышалось напряжение. — Представь, что человек, которого все считают воплощением милосердия, наконец принимает обязанность.

— И становится убийцей, — закончил Калев.

— Нет, — улыбнулся епископ, — становится Святым.

Калев покачал головой:

— Вы хотите использовать меня.

— Разумеется, — ответил Аврелий, и ответ был настолько прямым, что Калев растерялся:

— И вы говорите это вслух?

— Зачем лгать человеку, который всю жизнь слушает чужую ложь? — спросил епископ.

Калев посмотрел на дверь:

— Кого?

— Что? — переспросил Аврелий.

— Кого вы хотите, чтобы я убил? — уточнил Калев.

Аврелий подошёл к нему:

— Но-но, не надо так грубо. Освободил, Кaleb, это освобождение, не забывай.

— Вы хотите, чтобы я воспользовался своим правом на освобождение для кого-то, чтобы совершил Великое Избавление? — повысив голос, спросил Кaleb.

— Возможно, — подумал про себя епископ, но не ответил, вместо этого положил руку ему на плечо:

— Ты должен совершить Великое Избавление в течение ближайшего месяца.

— Почему? — спросил Кaleb.

— Потому что через месяц состоится Собор, — ответил Аврелий.

— И?

— И на нём будет объявлено новое толкование Доктрины, — продолжил епископ.

Кaleb нахмурился:

— Какое?

— Церкви необходимо изменить критерии Страждущих, — ответил Аврелий. — Их становится слишком много, — сказал епископ.

Кaleb понял. В городе действительно росло число людей, официально признанных Страждущими. Болезни, которые считались редкими, распространялись, некоторые были последствиями Великого Очищения, некоторые — наследственными, некоторые — неизвестными. А некоторые... Он вспомнил документы, Серафину, старую лабораторию, свою болезнь.

— Вы хотите ужесточить критерии, — сказал Кaleb.

— Да, — ответил Аврелий.

— И что будет с теми, кто перестанет соответствовать? — спросил Кaleb, глядя на епископа.

Аврелий посмотрел на него спокойно: — Они будут продолжать жить.

— Но уже не будут получать лечение? — уточнил Кaleb.

— Лечение — ограниченный ресурс, — ответил Аврелий.

— Понятно, — сказал Кaleb и почувствовал тошноту.

— Нет, — сказал Аврелий, и голос его стал чуть жёстче. — Тебе не понятно. Ты думаешь, что мы выбираем между жизнью и смертью. — Он покачал головой. — Мы выбираем, кому позволено страдать.

Кaleb долго смотрел на него: — Это ещё хуже.

— Зато честнее, — сказал Аврелий и вернулся к столу. — Через месяц ты совершишь Избавление.

— А если нет? — спросил Кaleb.

Епископ открыл папку. На первой странице стояло имя Калеба, под ним — медицинские данные двадцатилетней давности. Кaleb не стал читать — он и так всё помнил.

— Тогда, — сказал Аврелий, — мы пересмотрим статус твоего лечения и священства.

— Вы не посмеете, — сказал Кaleb, поднимая голову. — Вы объявите меня еретиком?

— Нет, — ответил Аврелий и посмотрел на него почти с сожалением. — Я объявлю твоё исцеление чудом, которое никогда не происходило.

Кaleb поблел: — Тогда...

— Тогда ты всегда был Страждущим, — закончил за него Аврелий. Он выдержал паузу: — И если выяснится, что ты просто скрывал болезнь, получал запрещённое лечение и двадцать лет занимал должность, которой не имел права занимать...

— Духовная Смерть, — тихо закончил Кaleb.

Аврелий кивнул: — Именно.

В комнате стало очень тихо.

— Вы знали, — сказал Кaleb.

— Конечно, — ответил Аврелий.

— Двадцать лет?

— Все двадцать лет, — подтвердил епископ.

— Почему не сказали раньше? — спросил Кaleb, глядя ему в глаза.

Аврелий посмотрел на него в ответ: — Потому что человек служит лучше всего тогда, когда знает, что однажды ему могут приказать перестать существовать.

Кaleb почувствовал, что больше не может смотреть на него, и направился к двери.

— Кaleb, — окликнул его Аврелий.

Он остановился: — Да?

— Не бойся, — сказал епископ. Кaleb медленно обернулся. Аврелий улыбался: — Мы подберем тебе подходящего Просящего, чтобы совесть тебя не мучала.

/-/

В ту ночь Кaleb не спал. Он сидел у окна своей квартиры. Город светился. На каждом доме работали экраны. **ОДНА ЖИЗНЬ. ОДНО ИЗБАВЛЕНИЕ. НЕ ОТКЛАДЫВАЙ ЛЮБОВЬ. НЕ БОЙСЯ ОСВОБОДИТЬ.** На центральной башне медленно менялась надпись: **СТРАДАНИЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НАПРАСНЫМ.** Кaleb смотрел на неё долго.

Потом открыл металлический ящик. Достал старую медицинскую карту. На первой странице было его имя: КАЛЕБ АРДЕН. Возраст на момент обследования: 22. Диагноз: прогрессирующая нейродегенерация. Прогноз: необратимое ухудшение. Рекомендация: подготовка к переводу в квартал Страждущих.

Он перевернул страницу. Там был другой документ. Старая фотография. Лаборатория. Женщина с короткими тёмными волосами. Серафина. Под фотографией её собственноручная запись: *«Если препарат сработает, болезнь не является приговором. Если не сработает — мы ничего не потеряем, кроме времени».*

Кaleb закрыл глаза. Он помнил боль. Помнил, как перестал чувствовать пальцы. Помнил, как однажды зимой прикоснулся к горячей чашке и не понял, что обжёг руку. Помнил запах лаборатории. Озон. Спирт. Металл. И голос Серафины: *«Твоя болезнь — это не наказание и не испытание. Это просто поломка. И поломки можно починить».*

Через три недели он начал чувствовать пальцы. Через два месяца болезнь остановилась. Через год он был здоров. Церковь назвала это чудом. Он позволил им назвать это чудом. Потому что тогда ему было двадцать три. И он хотел жить. Он не думал о последствиях. Теперь последствия сидели напротив него в образе семидесятилетнего епископа.

Кaleb убрал карту. Потом достал из кармана записку. Он не помнил, откуда взялся этот клочок бумаги. На нём было написано: *«Каждое исцеление это чудо, а чудо — это преступление, если оно доступно не всем».* Он долго смотрел на слова, потом сжал записку в кулаке и вышел на балкон. Город внизу горел огнями, холодный вет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.